

1

**ДОБРОТА
НЕЗНАКОМЦЕВ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Эми

Гроб начал движение на середине фразы. Конвейерную ленту, должно быть, давно не смазывали, так как каждое четвертое слово священника прерывал пронзительный визг, словно тянули за хвост бедного кота, вцепившегося когтями в школьную доску.

«И поэтому, Господи, мы... — СКРИИИИИИИ-ИП, — вверяем душу дочери твоей... — СКРИИИИИИИИИИП, — моля о Божественной милости...» — СКРИИИИИИИИИП.

Несмотря на назойливую кошачью симфонию, священник сохраняет ритм и спокойствие в голосе. Мне кажется, у него большой опыт.

«Люди постоянно умирают, — напоминаю я себе в тысячный раз. — А Земля по-прежнему вертится».

Голос священника приятно гудит, а ящик с мамой медленно приближается к печи. Я не знаю, что мне чувствовать. Нет, это неправда. Я знаю, что *должна* чувствовать:

Горе.

Отчаяние.

Уныние.

Вот что чувствовала бы хорошая дочь. Черт подери, да любой *живой* человек. К сожалению, един-

ственное чувство, на которое я способна, — ноющая тревога, что весь чай, который священник влил в меня до церемонии, преодолет доблестную арьергардную оборону моего мочевого пузыря прежде, чем я смогу выбраться отсюда. Если я опишусь, Чарли подумает, что я сделала это нарочно. Он и так уверен, что я неизлечимо зависима от драм. Я пытаюсь найти в себе более глубокие эмоции, но это все равно что мешать языком стоматологу. Я онемела.

— Какой уж тут привлекательный контент, да? — говорит противный тихий голос где-то в затылке.

— Не думай об этом.

Мне холодно, хотя через витражи льется яркое июльское солнце. Церковь в такой ясный день должна проводить свадьбы, а не... это. Дрожащей рукой я вытаскиваю телефон из кармана, слабые пальцы едва удерживают его. На экране 11:37. Я мельком замечаю отражение своих губ: они синие.

— Хм, похоже, у меня до сих пор шок. Она умерла неделю назад, Эми. Смирись уже.

Палец по инерции тянется к экрану. Я вовремя убираю его. Я клянусь, *клянусь*, я достала телефон, только чтобы узнать время. Но теперь, когда я задумалась об этом, под тремя тканевыми овальными аппликаторами — за каждым ухом и на шее — начался зуд.

— Забудь. Ты обещала не делать этого. Только не сегодня. Чарли никогда тебя не простит.

Я сколько взглядом вдоль скамьи и останавливаюсь на нем. Тушь уже течет черными ручьями по его щекам. Он замечает меня и выдавливает из себя улыбку. Я улыбаюсь в ответ.

— День похорон матери — ужасное время, чтобы нарушить обещание, данное младшему брату.

— Вот почему я не стану это делать, — говорю я себе. — Не стану, не стану, не стану.

Я.

Не.

Стану.

— Тогда зачем, — вновь раздаётся мерзкий голос в голове, — зачем ты надела шляпу?

Я осознаю, что кожа под аппликаторами чешется из-за широкополой черной шляпы. Обычно они довольно хорошо пропускают воздух, но между войлоком и высоко поднятым воротником платья его почти нет. Я могла бы снять шляпу, но тогда все присутствующие увидят прикрепленные к моей голове аппликаторы нейрорецепторов размером с монету.

— Сама подумай, — продолжает противный голос, — если ты не собиралась стримить, тогда зачем нацепила их утром?

— Заткнись.

Но голос, конечно же, прав. Я жму на иконку Heartstream. Никакого стрима — я же обещала. Трансляции не будет, но я никому не наврежу, если просто проверю...

О. Черт.

15 733 уведомления.

От одного взгляда на число по спине пробегает холод. Осторожно держа телефон под скамьей, я бегло просматриваю несколько уведомлений. Многие из них, как всегда, очаровательны. Сообщения поддержки и любви: «Мы с тобой, Эм. Мы любим тебя, Эми. Ты такая сильная, Эм. Ты такая храбрая, Эм. Выше нос, девочка, ты справишься».

Но на каждое из них найдется как минимум десять таких сообщений, как от BeckerBrain4Life:

 Пожалуйста-пжалуйста-пжалуйста, поделись со мной эмоциями! Я чувствую себя такой потерянной. Я не знаю, как дальше жить без мамы!!

Мама. Меня передергивает. Я хочу крикнуть в ответ капсом: «ОНА НЕ БЫЛА ТВОЕЙ МАТЕРЬЮ». Но в том-то и смысл, не так ли? Пока BeckerBrain4Life это волнует, она вполне могла бы быть ее матерью.

Я продолжаю листать одни и те же комментарии.

- Поделись эмоциями.
- Ты должна.
- Поделись эмоциями.
- Нам нужно узнать финал.
- Поделись эмоциями.
- Поделись эмоциями.
- Поделись эмоциями.

Рука трясется все сильнее. Настолько, что текст на экране расплывается и «поделись» читается как «покорми».

Конвейерная лента скрипит, грохочет и останавливается. Двери печи закрываются, пряча за собой маму. Снаружи они разрисованы цветами и херувимами.

«Поделись эмоциями», — умоляют они. Но эмоций нет. Возможно, мои подписчики правы. Возможно, я и правда *должна* разделить с ними финальный момент после всего, через что я их провела. Но мне нечего им дать. Я отвлекаюсь от неотложной

физической потребности ноющего мочевого пузыря, пытаюсь понять, что я чувствую, но, кроме оцепенения, пустоты и гуляющего ветра, внутри нет *ничего*.

Священник замолкает, и я слышу глухой хлопок. Моя мама превращается в пепел, словно кипа ненужных бумаг. Она улыбается с фотографии на алтаре, вьющиеся каштановые волосы обрамляют ее лицо. Фотография была сделана на пикнике около восьми лет назад, но мама практически не менялась, пока болезнь не подкосила ее.

Что со мной *не так*? Чувствуй что-нибудь, Беккер, хоть что-нибудь. *Твоя мама мертва!*

Но я не могу. Похоже, я разбита. Сажу здесь, в церкви, с полным ящиком входящих сообщений и пустым сердцем, пока все, кого я люблю, плачут рядом, а моим слезным протокам позавидовал бы даже кактус. Невероятно одиноко.

А одиночество всегда было моим криптонитом.

Я нажимаю на иконку в правом верхнем углу приложения — миленькое синее сердечко с расходящимися от него радиоволнами. Аппликаторы за ушами нагреваются.

Через пару секунд начинают сыпаться ответы.

👤 Спасибоooooo!!!

👤 В прямом смысле заливаюсь слезами.

Спасибо, Эм!!!

👤 ОМГ, оцепенение!!!

👤 Как сильно, как правдиво!!!

Меня тошнит.

Деревянный скрип справа привлекает мое внимание, и Чарли бежит к двери, сдерживая рыдания.

Я не видела, чтобы он проверял свой телефон. Он заметил, что я нарушила обещание?

— Нет, идиотка, он расстроен, потому что его мать только что превратилась в пепел. Очнись.

Я проталкиваюсь между скамьей и тетей Джульеттой и иду за ним. Папа тоже вскочил со своего места, на его лице выражение благородного сдержанного беспокойства, свойственное ему в любой ситуации: от разбитого яйца, обнаруженного в упаковке, до лечения больных с тяжелыми ожогами.

— Все в порядке, я побуду с ним, — бормочу я, проходя мимо. — Остаься с гостями.

— Ты замечательная старшая сестра.

Его рука мягко ложится мне на плечо.

Я ничего не отвечаю. Аппликаторы за ушами и на шее такие горячие, что почти обжигают меня.

Полуденное солнце снаружи заставляет меня щуриться. Надгробия, деревья и ограды у церкви становятся размытым пятном. Я оглядываюсь.

— Чарли? — зову я. — Чак-весельчак?

— Не называй меня так, — раздается голос за дверью. По крайней мере, так мне послышалось. Из-за всхлипов это звучало как «Н-не н-назы-в-вай м-меня т-а-а».

— Как скажешь, Чакминатор.

Я толкаю закрытую дверь и вижу его: шипы ирокеза, которые он дергал, растрепались, тушь залила весь воротник белой рубашки.

— Чакминатор? Что *это* такое?

— Без понятия, Чак-чак-чаком-зачавкал, я только что придумала.

Он фыркает сквозь слезы, и на секунду мне показалось, что он вот-вот улыбнется.

— П-п-просто, — начинает он, но очередное рыдание душит его.

— Эй-эй, я понимаю. Понимаю.

Я притягиваю его к себе и обнимаю, чувствуя, как его худенькая грудь расширяется и сжимается. Очередной его всхлип как ножом по сердцу. Невыносимо слышать, как он страдает, просто *невыносимо*, но — отвратительная мысль, которую я не могу от себя отогнать, — кажется, я зави-
дую ему.

Ирония в том, что из Чарли вышел бы потрясающий стример. Он так ярко все чувствует. Мое горе, напротив, свисает надо мной, как пианино на потрепанной веревке.

— Все в порядке, — говорю я ему, — все в порядке.

— Не-не-не... — начинает он.

— Да, согласна, не в порядке, — признаю я. — До порядка как до другой галактики. Если бы «порядок» был звездой, его свет дошел бы до нас только несколько десятилетий спустя. Но, увы, ничего не поделаешь, и я здесь, с тобой, обещаю, я не оставлю тебя одного. Хорошо?

Он крепче прижимается ко мне, уткнувшись лицом в плечо. Через некоторое время его хватка ослабевает, и я отпускаю его. Он глотает слезы, улыбаясь мне сквозь веснушки. Чарли похож на миниатюрную копию нашего отца. Вылитый папа в этом возрасте — все так говорят. Люди всегда говорят что-то подобное про мальчиков.

Конечно, четырнадцатилетний папа никогда бы не вышел из дома с таким толстым слоем штукатурки, которой хватило бы на месяц Большому Московскому цирку.

— Как ты умудрился испачкать тушью ухо? — спрашиваю я его, вытирая пятно краем своего рукава.

— А по-моему, тушь для ушей могла бы стать хитом, — он позирует, изображая вокруг лица рамку из ладоней. — Дэни говорит, у меня очень сексуальные уши.

— Пожалуйста, держи фетиши своей девушки при себе.

Он шмыгает носом и ухмыляется. Протягивает мне руку, и мы сцепляем пальцы.

— Спасибо, сестренка.

— Для этого я и нужна.

— Я знаю, потому и... — он затихает.

— Чарли? — обращаюсь я к нему, но он не отвечает.

Он все еще улыбается, но я замечаю, что он больше не смотрит на меня. Он глядит через мое плечо, и его рука сжимает мою так сильно, что хрустят костяшки пальцев.

— Что? — спрашивает он не сердито, а озадаченно, и это еще хуже. — Что *они* тут делают?

Я поворачиваюсь туда, куда он смотрит, и чувствую, как сердце уходит в пятки.

Их примерно триста, может быть, даже четыреста. Большинство из них в белых футболках с небрежным рисунком птицы. Небрежным — потому что шестнадцатилетняя девочка, которая сделала этот набросок углем, была так расстроена, что ее рука металась по всему рисунку. Честно говоря, меня не стоит упрекать за дрянную работу: в тот день мы узнали, что болезнь мамы неоперабельна.

Из-за этой футболки и одинаковой стрижки — короткого «бокса», как у меня, для более плотного

прилегания аппликаторов — они все были похожи на заключенных одной и той же готической тюрьмы. У многих из них были темные круги под глазами. Я не удивилась. Эта шайка — основной костяк подписчиков, они следят за всем, что я выпускаю с прошлого четверга, а это значит, в последнее время спали они мало.

— Эми! — кричит щуплый мальчик в первом ряду. — Что же нам теперь делать?

Я освобождаюсь от хватки Чарли и иду к ним. Я испытываю легкий ужас. Меня *бесит*, что они здесь, и я вдруг осознаю, что все еще нахожусь в режиме трансляции, поэтому *они знают*, что я чувствую. Кажется, никого из них это не волнует, если они вообще заметили. Они смотрят на меня с надеждой.

— Что теперь? — снова спрашивает мальчик, когда я подхожу к ограде. Он такой высокий, что кажется, будто согнется на ветру. — Что же нам теперь делать?

Я беспомощно развожу руками:

— Если бы я знала.

— Но... — он запинается. — Но... — похоже, он не знает, как закончить фразу.

Я смотрю на остальных: многие из них плачут или плакали не так давно и шокированно смотрят покрасневшими глазами на меня или сквозь меня.

«Вы знали, чем все закончится, — хочется мне сказать. — Я никогда не лгала вам. Я никогда не заставляла вас следить за мной, подписываться на меня. Справиться как-нибудь самостоятельно — вот что я должна сделать».

Я хочу быть сдержанной, но не могу, потому что — в какой-то мере — они тоже потеряли маму.

— Послушайте, — начинаю я, — спасибо вам, всем вам, за...

— ВЫ, ГРЕБАННЫЕ СТЕРВЯТНИКИ!

Я резко поворачиваюсь. Тетя Джульетта идет к воротам церкви, размахивая над головой своей сумкой, словно средневековой цепной булавой. (Я как-то несла ее сумку и знаю, что та может быть страшным оружием. Она весит как детеныш слона.) Папа, покачиваясь, идет за ней следом.

— Для вас нет ничего святого? — кричит она. — Господи, это же церковь, вы, злобные проходимцы, проявите уважение!

— Но, Джульетта...

Моя тетя повернулась, чтобы взять под прицел оратора — маленькую пухлую девушку в очках слева от толпы.

— Кто это? Откуда ты знаешь мое имя? Кто решил тебе произносить его? Кто ты такая, соплячка? Это *закрытые. Семейные. Похороны.* — Она выплевывает каждое слово. — Вы, ничтожные туристы-паразиты. Никто не приглашал вас сюда!

— Но... при всем уважении, миссис Райс... она пригласила нас.

Я замерла. Палец высокого мальчишки указывает на меня.

— Эй, — запротестовала я, — неправда. Я не звала...

Но я так и не договорила, потому что, не прекращая шмыгать носом за моей спиной, Чарли тихонько подкрался ко мне. С ужасным выражением подозрения на лице он бросился вперед и сорвал черную шляпу с моей головы. Аппликаторы слегка зашипели, охлаждаясь на свежем воздухе.

— Я не... — начинаю я. Хочу сказать: «Я не специально». Но это неправда. Не похоже на то, чтобы

утром я поскользнулась и упала в ведро с нейропроводящими аппликаторами.

Папа и тетя Джули уставились на меня. Выражения их лиц почти идентичны: *как можно быть такой тупой?* Так себе реакция, но это ничто по сравнению с выражением лица Чарли.

— Ты обещала, — говорит он так тихо, что я едва слышу его.

Он бросает шляпу на траву у надгробия и убегает к церкви. Я собираюсь идти за ним, но папа встает на моем пути, его спокойная улыбка противоречит силе, с которой он держит мои руки.

— Дай ему секунду, а, дорогая?

Я оглядываюсь через плечо. Четыре сотни лиц смотрят на меня, возвышаясь над четырьмя сотнями черных птиц на футболках. Я прекращаю трансляцию, но все еще вижу в каждом из них свое собственное сожаление.

Когда такси подъезжает к дому, я не вижу ни намека на наш семейный автомобиль. Папа «предложил» мне взять машину, «чтобы дать брату немного времени», — я не стала спорить. До нашего дома час езды через весь Лондон, и думаю, что к концу поездки взгляд пережившего предательства Чарли испепелил бы меня дотла.

В пути я пыталась отвлечься от мыслей, подключившись к трансляции Ланса Ялты. Возможно, Ланс — нелепый незрелый мужчина с бронзовым загаром и чисто декоративными бицепсами, но по какой-то причине он — самый важный персонаж в Heartstream. Последнее обновление он выложил в восемь вечера по времени Сент-Люсии, где, ду-

маю, он и находился со своей яхтой. Ходят слухи, что яхта была бесплатной — спонсоры от него в вос-торге.

Я нажала на маленькую фиолетовую иконку «воспроизведение» и почувствовала, как нагреваются аппликаторы, когда 7 гигабайт записанных эмоций Ланса начали загружаться с серверов Heartstream. Волна удовлетворения захлестнула меня. Я почувствовала карибское солнце на обнаженной коже, свежий соленый аромат океана покалывал ноздри. Я не *видела*, как светит солнце, и не слышала тихий плеск волн — Heartstream увеличивает пропускную способность канала, не транслируя изображение и звук, так как обычная виртуальная реальность делает это гораздо лучше. Поэтому мои глаза были открыты, и я заметила на обочине заплаканного осунувшегося стримера в футболке с птицей, и вдруг залитое солнцем самодовольство Ланса стало непростительной тратой времени. Я остановила воспроизведение. В этом-то и проблема с Heartstream. Ты можешь почувствовать что угодно, но приложение не избавит тебя от собственных эмоций.

Я благодарю водителя, выхожу из машины, хлопаю за собой входной дверью и бросаю ключи на столик в прихожей.

— Папа? — зову я на всякий случай. — Чарли? — Но ответа нет.

Дом завален нашими фотографиями и коврами, словно маленький ребенок — поношенными вещами от знакомых. Мы поселились здесь год назад, но до сих пор распаковали не все коробки. Наша жизнь уже стояла на паузе, когда мы сюда переехали.

Я помню, как впервые пришла сюда, гуляя по пустому дому вместе с агентом по недвижимости

и отмечая галочкой задачи в моем мрачном воображаемом списке:

*Близость к специализированной больнице — есть.
Дверные проемы достаточно широкие, чтобы через них прошла массивная медицинская кровать, — есть.*

Ванная на первом этаже, когда ступеньки стают слишком высокими для ее ослабших ног, — есть.

А другие выбирают свой первый дом так, чтобы в нем был сад для собаки.

Я бросаю сумку на пол в коридоре, снимаю обувь и выдыхаю. «Дом, милый дом».

Сейчас здесь тише, чем когда-либо, тише, чем когда я бродила по дому посреди ночи и единственными звуками были мое собственное дыхание и скрип половиц под ногами. Интересно, чего не хватает...

Ой.

До меня дошло. Когда я зашла домой, какая-то глупая упрямая часть меня ожидала услышать приветливый голос мамы. И внезапно боль становится нестерпимой, бушующей внутри, словно сдерживаемый в легких ураган.

Я пытаюсь избавиться от нее, но в конце концов сажусь на нижнюю ступеньку лестницы и наблюдаю за тем, как слезы стекают по кончику носа, капая на паркетный пол. Дыхание перехватило, но я с усилием делаю вдох, заставляя себя изучать узор из деревянных досок, пока не станет легче дышать.

По-моему, вполне логично, что эмоции обрушились на меня здесь, а не на кладбище. В конце концов, я оплакиваю не ее присутствие под маленькой цветочной клумбой, где закопают прах, а ее отсутствие повсюду.

— Соберись, Эм, — говорю я вслух сквозь стиснутые зубы. — Поминки вот-вот начнутся. Тебе нужно снять пищевую пленку примерно с пяти тысяч тонн салата «Коулслоу». — Это, конечно, не самая мощная мантра в мире, но, повторив семь раз, я все-таки встаю.

Я направляюсь на кухню, и знакомое шипение внезапно нарушает тишину. Кто-то поставил чайник.

— Папа? — зову я снова. — Чарли?

Они были здесь все это время? Снова нет ответа. Точно не они. Я бы заметила машину снаружи. По телу пробегают мурашки, но назад пути нет — я уже толкнула дверь.

— Хочешь чаю?

Рядом с плитой стоит женщина в пуховике, не смотря на жару. Она наливает кипяток в чайник «Алиса в Стране чудес». У нее та же стрижка, что и у всех стримеров, так что трудно сказать, какого цвета ее волосы. Сначала мне показалось, что она примерно одного возраста с моими родителями, но потом я понимаю, что ей, наверное, чуть больше тридцати, просто из-за темных кругов под глазами она выглядит старше. Похоже, она не спала несколько недель.

— Мне жаль, что я не присутствовала на похоронах, но я решила, что это вряд ли будет уместно, да и здесь было *столько* дел.

Она суетливо возится на кухне, доставая посуду. На столе стоит сумка из супермаркета Tesco, она распаковывает коробку замороженных булочек и две из них кладет на тарелку. Блюда с рулетиками, бисквитами, канапе и домашним салатом «Коулслоу», которые мы приготовили сегодня утром на поминки, по-прежнему стоят на столешнице и ждут

армию скорбящих. Она даже не трогает покрывающую их пищевую пленку.

— Я думала, все любят замороженные булочки, — она неторопливо подходит и придвигает ко мне тарелку. — Будешь торт, Эми? Я приготовила его для тебя.

У меня уходит секунда, чтобы заставить слова преодолеть нарастающий ужас, который комом застревает в горле. Я не знаю, кто эта женщина, но ее стрижка подсказывает мне, почему она здесь.

— Это уже слишком, — взрываюсь я, — это мой дом! Вам *нельзя* здесь находиться!

Она смотрит на меня, моргая. Ее взгляд опускается вниз, полный растерянности и обиды. У меня такое чувство, будто я только что накричала на щенка.

— Это всего лишь чашка чая, — она снова берет тарелку. — И я принесла торт. Я не хотела злоупотреблять гостеприимством.

С улицы доносится шорох гравия под колесами машины.

— Это папа и мой младший брат, — с отчаянием говорю я ей. — Вы *не можете* быть здесь, когда они войдут. Послушайте... — я изо всех сил стараюсь контролировать свой голос, — я знаю, сегодня был тяжелый день, если вы подключались к моему стриму; но я не могу вам помочь, не сейчас. Я хочу сказать, она была *моей* мамой, понимаете? Чарли уже разозлили сегодня, и если он увидит здесь случайного стримера, то снова *выйдет из себя*.

Она молчит и мрачно смотрит на меня.

Я делаю глубокий вдох:

— Послушайте, мне очень жаль, но, если вы сейчас же не уйдете, я вызову полицию.

— Ну, — говорит она уныло, будто я только что сообщила, что в ее день рождения пойдет дождь. — Ну что ж, я уверена, рано или поздно они все равно приедут.

Снаружи хлопают автомобильные двери. Хруст шагов по тропинке. Я замираю на полпути, протягивая руку к телефону. «Стоп, что?»

С извиняющимся выражением на странном, по-юношески скривившемся лице она расстегивает молнию куртки. Первая моя мысль: «Ты ограбила строительный магазин?» Молния обнажает провода, я замечаю трубки с прозрачной жидкостью рядом со стеклянными банками с гвоздями и шариковыми подшипниками. Сначала мозг отказывается воспринимать происходящее, настолько оно *неуместно*, но затем в нем что-то щелкнуло. Я видела достаточно навязчивых круглосуточных выпусков новостей, чтобы распознать бомбу.

— Я просто хотела увидеть тебя, — говорит она. — Перед концом.